

памятника—Задонщины, и этой близостью объяснить самый факт выбора оригинала для подражания. Однако в дальнейшем А. Мазон утверждает, что автор Слова использовал Задонщину в версии XVI—XVII вв., т. е. в той, где описано не поражение, а победа на Куликовом поле!

Итак, „очевидная аналогия между злополучным походом Игоря против половцев и большой битвой 1380 г.“ (стр. 166) исчезает, поскольку „поздние“, по терминологии А. Мазона, версии Задонщины, наиболее близкие, по его мнению, к Слову, рисуют победу.

С вопросом о первоначальном объеме Задонщины и с характеристикой дальнейшей судьбы этой повести А. Мазон кончает в первой же статье очень быстро и легко. Обзор-характеристика списков, таблица их соотношения (1938, 1—2, стр. 17) сделаны крайне поверхностно, и потому совершенно неубедительны его текстологические выводы: К-Б „самый близкий к оригиналу“ список (стр. 15), „настоящая Задонщина“ (37); вторая часть—„похвала“ обнаруживает „переделки и нескладность“ в целом (стр. 17). Древность списка К-Б Мазон спокойно приравнивал к древности его редакции и, не доказав, что именно К-Б сохранил „древнюю“ Задонщину, автор поставил „принципиальный вопрос“ (1938, 3—4, стр. 171): „Если бы Слово принадлежало средневековому поэту, то удивительно было бы, почему его черты более ощущаются в поздних Задонщинах, чем в древней“.

Для непредубежденного читателя очевидно, что сопоставлению Слова с Задонщиной должна была бы в исследовании А. Мазона предшествовать внимательная текстологическая работа над сохранившимися списками Задонщины. В каком виде знал ее „автор“ XVIII в., старательно скрывший, а может быть и уничтоживший свой „modèle principal“? Трудно думать, чтобы это был текстолог, по непонятным причинам выбиравший отдельные выражения то из одного, то из другого списка. Очевидно, по Мазону, в его руках был какой-то список, содержащий в себе все совпадающие со Словом эпизоды. Опираясь на сохранившийся рукописный материал, следовало хотя бы предположительно восстановить такую Задонщину и доказать, что она „поздняя“, а К-Б—„древняя“.¹

¹ Писец Кирилло-Белозерского сборника текст Задонщины передавал, видимо, своими словами, по памяти: он вставил поэтому в Задонщину отрывок из Слова о гибели русской земли. Следующие за Задонщиной летописные заметки он изложил также своим индивидуальным стилем, непривычным для такого рода записей: кроме присущих лишь этому писцу терминов, „Задонщина, Мамаевщина, Тахтамышевщина“, в этих заметках читаем такие выражения: „год спустя“, „тогда было благовещение на Пасху“, „по смерти Алексея митрополита на третий год бои был“, „по Задонщине на осмой год“ и т. д. Эти заметки, выраженные просторечием, напоминают приписки писцов на полях псковских рукописей. — Проф. В. Ф. Ржига в тезисах к своему исследованию о Задонщине (Слово Софония рязанца о Куликовской битве. Доклады и сообщения филологического факультета Московского ордена Ленина Гос. университета им. М. В. Ломоносова, вып. 1, М., 1946, стр. 37—38), называя К-Б краткой редакцией, справедливо расценивает ее как сокращение первоначальной, пространной, представленной списками XVI—XVII вв.